

двох, оскільки відповідь саме на них відтворить не лише суть екокритичних досліджень, а й окреслить їх горизонти: 1) чим займаються екокритики? 2) в чому полягає науковий потенціал екокритичних досліджень.

Екокритики перепрошують відомі і багаторазово інтерпретовані твори з екокритичних позицій, роблячи при цьому особливий акцент на репрезентації в них світу природи. Таке екокритики значно переосмислюють екоцентричні поняття, надаючи їм ширшого значення, відтак ці поняття виходять за межі світу природи і набувають універсальності. Це такі поняття як енергія, ріст, баланс/дисбаланс, задовільне/незадовільне використання природних ресурсів тощо. Водночас, вони зосереджують фокус наукового інтересу на творчості тих письменників/поетів, які у своїй творчості особливу увагу надавали природі. Йдеться про американських трансценденталістів, британських романтиків та георгіанських поетів початку минулого століття. Разом з тим, екокритики розширюють горизонт літературно-критичних практик. При цьому акцент робиться на літературі факту, особлива увага приділяється рефлексивним творам з топографічним характером на зразок есеїв, подорожніх нотаток, спогадів та локальної літератури. Екокритики активно заперечують соціальний конструктивізм і лінгвістичний детермінізм провідних літературних теорій і натомість обстоюють екоцентричні цінності

старанного дослідження, колективної етичної відповідальності й поваги до інтересів світу поза нами. 310

Ще Ж. Дерріда говорив про те, що західна філософія ґрунтується на опозиції природи та культури, здається, що така обструкція є фундаментальною для великої кількості зауваг про унікальність та особливість людини. Звучання подібного гатунку "істин", є досить тривалим у часі і аргументується воно духовною та інтелектуальною складовою homo sapiens, зоологічним бажанням до владарювання, бездумно надмірним споживанням та використанням решти світу природи, забуваючи, що саме він є місцем її життя, існування і зрештою помирання. Подібний стан речей відомий у англомовному екокритичному дискурсі як "логіка домінування" ("the logic of domination") [6]. Відтак людина розумна сприймає природу як щось існуюче поряд, що має забезпечувати її потреби у якості сировини, і не усвідомлює себе органічною частиною цієї природи. Таке бачення і сприйняття є результатом процесу індустріалізації та раціональної філософії, яка виправдовує подібний економічний порядок. Таким чином, екокритика є науково аргументованою та соціально зумовленою необхідністю глибоко вивчати відносини людина/природа в епоху техногенних криз глобального характеру для розвитку екоцентрованої свідомості у читача.

Література

1. Баррі П. Вступ до теорії. Літературознавство та культурологія / П. Баррі. – К. : Смолоскип, 2008.; 360 с.
2. Єрмоленко А. Соціальна етика та екологія. Гідність людини – шанування природи / А. Єрмоленко. – К. : Лібра, 2010. – 416 с.
3. Жлуктенко Н. Ю. Структури екотексту в романі Т. Коррагесена Бойла "Завіса з тортильї" [Електронний ресурс] / Н. Ю. Жлуктенко – Режим доступу: http://philology.knu.ua/library/zagal/Literaturoznavchi_studii_2013_37_1/287_295.pdf.
4. Сухенко І. М. Екокритика: до проблеми становлення екокритичних досліджень / [Електронний ресурс] / І. М. Сухенко. – Режим доступу до ресурсу: http://www.nbuv.gov.ua/old_jm/Soc_Gum/Dtr_gn/2010_3/files/GN310_05.pdf.
5. Janson D. The Nature in German Romanticism [Електронний ресурс] / D. Janson. – Режим доступу до ресурсу: https://books.google.com.ua/books?id=gw9qkwbIKCkC&pg=PA206&lpg=PA206&dq=novalis+and+nature+writing&source=bl&ots=qu5mGaldHT&sig=6XIFsEvwY_chyDNkmuDRmpvUcVo&hl=uk&sa=X&ei=86w0VYSLCMuqswGR7YHYCg&ved=0CDIQ6AEwAzgK#v=o nepage&q=novalis%20and%20nature%20writing&f=false.
6. Marthy P. "Rethinking the Relations of Nature, Culture and Agency" [Електронний ресурс] / Patrick D Marthy // Environmental Values 1, no. 4. – 1992. – Режим доступу до ресурсу: http://www.environmentandsociety.org/sites/default/files/key_docs/murphy_1_4.pd.

УДК 821.161.1-1.Барскова«20»

С. А. Фокина

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

Зеркальность как фактор экспликации интимного в лирике Полины Барсковой

Фокина С. А. Зеркальность как фактор экспликации интимного в лирике Полины Барсковой.

В статье представлено прочтение смыслопорождающего потенциала феномена зеркальности в стихотворении Полины Барсковой «Отражение». В поле исследования также вошли такие показатели авторского мира поэтессы, явленного в тексте, как авторские коды, эротические коннотации, символика зеркала, семиотизация страстей. Представлена интерпретация лирического сюжета в соответствии с наследованием и преобразованием П. Барсковой традиций изображения интимного с помощью смыслового потенциала зеркальности.

Ключевые слова: зеркальность, эротика, интимность, авторские коды, колдовство, символика.

Фокіна С. О. Дзеркальність як чинник експлікації інтимного в ліриці Поліни Барскової. У статті представлено прочитання смислороджуючого потенціалу феномену дзеркальності у вірші Поліни Барскової «Відображення». До поля дослідження також увійшли такі показники авторського світу поетеси, явленого в тексті, як авторські коди, еротичні конотації, символіка дзеркала, семіотизація пристрастей. Представлена інтерпретація ліричного сюжету відповідно до спадкоємства та перетворення П. Барскової традицій зображення інтимного за допомогою смислового потенціалу дзеркальності.

Ключові слова: дзеркальність, еротика, інтимність, авторські коди, чаклунство, символіка.

Fokina S. A. Reflective surface of a mirror as a factor of an explication intimate in Polina Barskova's lyrics. In the article is presented reading of sense-generation's potential of the phenomenon of reflective surface of a mirror in the poem Polina Barskova's poem «Reflection». The field research was also entered by such indexes of the authorial world of the poet shown in text, as author's codes, erotic connotations, mirror symbolics, a semiotization of passions. It is presented interpretation of a lyrical plot according to inheritance and transformation by P. Barskova the tradition of the image intimate by means of the semantic potential of mirror.

Keywords: reflective surface of a mirror, erotica, intimacy, authorial codes, sorcery, symbolics.

Постановка проблеми, заявленої в названні даної статті, і її актуальність обумовлені неугасаючим інтересом літературознавців, семиотиків і культурологів к специфіці феномена зеркальності. Изучение проблемы зеркальности, открывает для исследователя различные пути решения. В контексте внимания к современной лирике привлекательно осмыслить символику зеркала на материале лирики русскоязычной поэтессы Полины Барсковой.

Изученность лирической системы Полины Барсковой, находясь пока на начальной стадии, представляется на данный момент далеко не полной и требует более пристального внимания филологов.

Многие исследователи, так или иначе, включают творческие достижения Полины Барсковой в свой научный поиск, но, как правило, в виде небольшой заметки на страницах статей, посвященных иной проблематике: авторской модернизации терцин в контексте новой русской строфики (Ю. Б. Орлицкий), использования современными поэтами античного гекзаметра как одного из маркеров идилии (Е. А. Балашова), рецепции своеобразия поэтической манеры и жизненных позиций литераторов, награжденных независимой литературной премией «Дебют» (У. Ю. Верина), современной постмодернистской поэзии, месте в ней П. Барсковой и ее позиции писать исключительно по-русски для русскоговорящих читателей США (Ловчинский).

Показательна более детальным рассмотрением фрагментов поэтического мира П. Барсковой кандидатская диссертация Д. Ю. Кондаковой, в которой была предпринята весьма удачная попытка изучения трансформаций петербургского текста в лирике современных поэтов-петербуржцев. Но тема зеркальности в поэзии П. Барсковой требует рассмотрения.

Цель данной статьи сосредоточить внимание на своеобразии интерпретации феномена зеркальности авторским сознанием Полины Барсковой в стихотворении «Отражение». Цель определила следующие **задачи:** 1) дешифровать авторские коды, маркирующие мифологему зеркала; 2) выявить показатели интимности в вышеуказанном стихотворении; 3) осмыслить

диалог поэтессы с культурными традициями в символизации зеркальности и эротики.

В стихотворении Полины Барсковой «Отражение» показателен фактор отзеркаливания потаенного, в данном случае любовного дискурса, причем именно телесного. Не менее значимо то, что «зеркалом» оказывается пианино.

ОТРАЖЕНИЕ

*Мы отражались в пианино, в чужой квартире,
И ты сказал мне, засмеявшись: – Смотри,
смотри,*

*Как удивленно и смиренно лежат четыре
Неярких тела: два снаружи, а два внутри.*

*Я повернулась к отраженью, привстав на
локте,*

*Свое неловкое движенье на два деля,
А в пианино... Обгорелый античный портик
Окрасил памятью пожара двоих деля.*

Откинув голову, смеялся, забыв причину.

Твой смех подпрыгивал, как мячик, среди теней.

*И я, обняв тебя, смотрела, как мы в пучину
Уходим. И чем дальше, глубже, тем лак
темней.*

В стихотворении пианино предстает в трех ипостасях: как отражательная поверхность, как музыкальный инструмент и как предмет мебели, который некоторое время из-за этого остается незамеченным. На чувственно-сексуальный аспект указывает близость тел, представленных в фокусе восприятия как отражение. Присутствие беззвучного, как бы уснувшего, музыкального инструмента, оборачивается сопричастием свидетеля, чья память отражает страсть сильнее, нежели восприятие самих любовников. Пианино без музыки меняет свой статус и превращается в зеркало, сохраняет память об эротике, трансформируя ее в страсть иного рода.

Соотнесение эротических кодов с фактором их потенциального отражения акцентирует своеобразие сознания, охваченного страстью. С точки зрения М. Эпштейна, «... любовь заостряет всякую чувственность, в том числе направленную на вещи, которые как бы расширяют осязательный объем желания, образуют особую эротогенную

зону вне тела» [9:69]. В барсковском стихотворении можно проследить модификацию переживания страсти и эротического единения в режим их семиотизации. Вещь посредством взгляда влюбленного, актуализирующего отражательный потенциал, становится своего рода зеркалом. В данном контексте пианино выступает проводником в лиризации пережитого, объединяя свою традиционную роль и символику с тем преобразованием, которое происходит с ним под взглядом влюбленной.

Показательна мысль Ж. Батайя, высказанная в «Истории эротизма», что восприятию мира любящим «не свойственна объективность: воспринимаемая в любви вселенная весьма точно представляет собой меру воспринимающего ее, пределы субъекта отражаются в выборе его объекта» [2:127]. Видение своего возлюбленного и мира вокруг него повышает статус зеркала как символа отраженности сознания и одного из знаковых предметов в процессе семиотизации страстей.

Характерно, что перенесение ощущения близости на мир окружающих вещей позволяет «по-новому переживать ее именно в их отчужденном облике, как наводку или подсказку самой судьбы» [9:69]. Данный аспект высвечивает в процессе семиотизации эротики важность переноса на предметы способности отражать коннотации интимности. Избранные фантазией переживающего и семиотизирующего свою страсть предметы наделяются своего рода предсказательным потенциалом.

Так, пианино превращено воображением женщины, пережившей эротическую близость, в зеркало-соглядатая. По замечанию С. Т. Золяна, в семиотическом плане в культуре и сознании отдельной личности отражательная способность зеркала соотносится с феноменом двойничества. При этом отраженным в зеркале двойником «может выступать “мой жених” (“моя жена”)» [4:37].

Подобное преобразование вещей, актуализированное наблюдательностью и фантазией, примечательно тем, что меняет семиотический статус вещи. Взгляд, превращающий пианино в зеркало акцентирует мотив колдовства. По замечанию В. Подороги, «магическая мощь шаманистского искусства как раз и заключается в том, чтобы эффективно манипулировать не столько реальными объектами, сколько их дополнительными измерениями, психическими силами» [7:105]. Так в восприятии любящей возникает стремление с помощью предмета, напоминающего об ее эротическом опыте, заново, уже в символично-поэтическом ключе, пережить обуревающие ее чувства.

Характерно, что зеркальность соотносится с представлением о запредельном, магическом, воображаемом. По замечанию Л. Н. Столовича, «таинственность зеркального отражения –

стимулятор воображения» [8:46]. Воображение фактор, позволяющий модифицировать реальность в желаемом или наоборот трагическом ключе. Интересно заметить, что в стихотворении П. Барсковой эти две противоположные позиции совмещены. Лирическая героиня, вглядываясь в отражательную поверхность музыкального инструмента, способствует осуществлению метаморфозы как с вещью, так и с теми чувствами, которыми она полна, сохраняя память о предшествующей интимности. Но не следует забывать, что зазеркалье – знак «автономного от нашего мира, – своего рода антимира» [5:11]. Новосотворенное зеркало, предсказывая лирической героине в ее воображении будущее, не сулит счастливой любви и предрекает то ли поглощение своей страстью, то ли предстоящую разлуку.

Исследовательница феномена зеркальности Сабин Мельшиор-Бонне отмечает, «зеркало осуществляет свою посредническую функцию между реальностью и мечтой или сном» [6:350]. Способность зеркальности отсылать к миру воображаемого, акцентирует фактор фантазии лирической героини. При этом в стихотворении пианино, став зеркалом, «играет роль своеобразного проектора, высвечивающего “иную” реальность или истину, которую герои еще не осознали или не могут осознать» [6:354]. Такой неосознанной реальностью становится возможность пережить телесную страсть заново, одухотворив ее и превратив в отражение, которое живет своей самостоятельной жизнью, превращаясь в поэтический текст.

Примечательно, что зеркало в магических традициях связано с колдовскими потенциями. Более того, «магические операции над отражением /изображением приводят к соответствующему результату в действительности» [4:35]. Преобразование действительности в стихотворении и предсказательные коды, открыты женскому взгляду, тогда как мужское восприятие направлено на фиксацию только факта отражения.

В стихотворении противопоставлено мужское и женское восприятие этого почти колдовского отражения, а в подтексте, видимо, и переживание телесной страсти. Для мужчины оно забавно и вызывает смех: «Твой смех подпрыгивал, как мячик, среди теней», для женского восприятия оказывается почти трагично: «как мы в пучину / Уходим». Но это противопоставление смешного и трагического, ощущения радости и грусти, может быть двумя обратными сторонами пережитого телесного единения, а в символическом плане двумя разными взглядами на мир. Приблизиться же к полноте бытия можно лишь в их отражении и взаимодополнении.

В стихотворении П. Барсковой показателен символический план отражения обнаженных натур в лаке пианино. Так, «постоянной традицией в

Каббале оставалась интерпретация творения, которая традиционно рассматривалась в божественно-эротическом ключе и доходила у некоторых авторов до отчетливого сближения творения мира с сексуальным актом» [1:398]. Обнаженные тела любовников, отраженные в предмете обстановки, иронически уподоблены Адаму и Еве после грехопадения. Адам и Ева, осознав свою наготу, обостренно ощущают интимность и сокровенность пережитого. Возможность чужого взгляда на них, пусть даже божественного, или же особенно божественного, дает им ощущение отъединенности от мира. С другой стороны, это чувство задает парадигму эротического, крайними позициями которой станут наслаждение и стыд. Лирический сюжет стихотворения П. Барсковой обыгрывает не только тему утраченного Эдема, но и в определенном смысле ее трансформирует: рай достижим, но радость единения неизменно обернется изгнанием в виде погружения в пучину, будь-то охлаждение после близости или же, наоборот, пучина разрушительной страсти.

Взгляд на зеркало как магический предмет позволяет в лирическом сюжете стихотворения увидеть не только эротические коды и мотивы самопознания, но скрытую метафору ворожбы. Тема ворожбы соотносит лирическую героиню с традиционно противопоставленным Еве образом – Лилит, воплощающей не только демоническое начало, но и женскую свободу. Такая двойственность идентификации с Евой и Лилит, возможно, обыгрывает две противоположные ипостаси – влюбленной и покоренной в своем чувстве женщины (Ева) и свободной женщины-поэта, способной преобразовать реальность и предвидеть будущее (Лилит).

Фактор зеркальности в культуре связан с темой колдовства и преобразования. В Серебряном веке также была популярна метафора творчества как колдовства, что видимо, осознанно или же бессознательно наследуется П. Барсковой. Зеркальность наделяет взгляд любящего возможностью преобразования реальности. По замечанию С. Мельшиор-Бонне, зеркало «служит своеобразной метафорой перехода от мира материального, данного человеку в ощущении к миру поэтическому...» [6:354]. Поэтизация женским взглядом своего эротического опыта и угадывание трагичности, следующей за обнажением интимности в зеркальности лака, оборачивается существованием самого стихотворения с символическим названием «Отражение», написанного женщиной-поэтом.

На основании полученных научных результатов можно сделать следующие выводы:

1. В лирическом сюжете П. Барсковой магичность предмета, превращенного в зеркало, обусловлена своеобразием женского взгляда, отражающего как память об эротическом переживании, так и способность преобразовать окружающее пространство, свои личные воспоминания и чувства. **2.** С помощью воображения личные чувства расширяются до обыгрывания в подтексте стихотворения истории изгнания из рая Адама и Евы после грехопадения. **3.** Семиотизация личного эротического опыта, осуществляясь в сознании лирической героини, соотносится с отражением и мифологизацией интимности.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в возможности изучения феномена зеркальности в современной русскоязычной лирике.

Литература

1. Аптекман М. «И двое станут одним»: еврейская Каббала, мифопоэтический андрогин и Адам Кадмон в поэтике Серебряного века / М. Аптекман // Дискурсы телесности и эротизма в литературе и культуре: Эпоха модернизма / [сб. ст. под ред. Дениса Г. Иоффе]. – М. : Ладомир, 2008. – С. 382–409.
2. Батай Ж. История эротизма / Ж. Батай. – М. : Логос, 2007. – 200 с.
3. Барскова П. «Отражение» [Электронный ресурс] / П. Барскова. – Режим доступа к ист. : <http://www.vavilon.ru/texts/prim/barskova3.html>
4. Золян С. Т. «Свет мой, зеркальце, скажи...» (К семиотике волшебного зеркала) / С. Т. Золян // Труды по знаковым системам № XXII : К семиотике зеркала и зеркальности. – Тарту, 1988. – С. 32–44.
5. Левин Ю. И. Зеркало как потенциальный семиотический объект / Ю. И. Левин // Труды по знаковым системам № XXII : К семиотике зеркала и зеркальности. – Тарту, 1988. – С. 6–24.
6. Мельшиор-Бонне С. История зеркала / С. Мельшиор-Бонне. – М. : НЛЮ, 2006. – 456 с.
7. Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию / В. Подорога. – М. : Ad Marginem, 1995. – 341 с.
8. Столович Л. Н. Зеркало как семиотическая, гносеологическая и аксиологическая модель / Л. Н. Столович // Труды по знаковым системам № XXII : К семиотике зеркала и зеркальности. – Тарту, 1988. – С. 45–51.
9. Эпштейн М. Н. Философия тела / М. Н. Эпштейн // Эпштейн М. Н. Философия тела. Г. Л. Тульчинский. Тело свободы. – СПб. : Алетейя, 2006. – С. 9–194.